

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 54 (761)

30 сентября 1938 г., пятница

Цена 30 коп.

ПРИЕМ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

В свое время наша печать выступила с решкой критикой канцелярско-бюрократических изъязв в работе союза советских писателей. Равнодушный бюрократический способ руководства президиумом союза, полное коллективного руководства единичным администрированием приводили в том, что залитие литературой и работа в союзе писателей по существу были несформированными. Чиновники из аппарата союза считали, что литература — частное дело писателей, а союзу надлежит заниматься заседаниями, совещаниями, не имеющими прямого отношения к вопросам творчества. Неумение руководить литературой, творческих помочь писателей было одним из основных недостатков работы президиума.

Задачи союза писателей очень велики. В буржуазном обществе творчество якобы частное дело писателей. Писатель, мол, свободен писать как угодно и что угодно. На самом деле эта «свобода» не что иное как лицензия, от буржуазной публики, от требований буржуазного государства. «Свобода» буржуазного писателя есть лишь замаскированная зависимость от буржуазного общества, от демократического мешка.

В социалистическом обществе писатель действительно свободен. Он не зависит от частного издателя, от вкусов скучающих и страдающих от ожирения «верхних» деятели тщеты. Его искусство служит народу, миллионы трудящихся, составляющих цвет страны, ее силу, ее будущность.

Это политически-свободная литература, о которой Ленин писал: «... что не корысть и не карьера, а идей социализма и совместие трудающимся будут вербовать новые и новые силы в ее рядах».

Защитите литературу не может быть частным делом писателя в стране социализма. В социалистическом обществе искусство служит народу.

В Уставе союза советских писателей записано: «Союз советских писателей ставит генеральной целью создание произведений высокого художественного значения, насыщенных героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражаями величайшую мудрость и геройизм коммунистической партии». Союз советских писателей ставит своей целью создание художественных произведений, достойных величайшей эпохи социализма».

Немало талантливых, преданных партии писателей пишут сейчас произведения на современные темы. В их работе есть большие трудности. Художник, создающий произведения высокого художественного значения о современности, — полный новатор. Он ищет он доказывает кому же, как не союзу советских писателей, творчески помочь ему в огромной созидательной работе?

Был союз спрятаны с этическими задачами? Изменение в методах руководства, отказ от канцелярии и администрации уже дали свои положительные результаты. Союз стал заниматься тем, чем ему надлежит заниматься — литературой.

Прежде было приято жаловаться на недостатки людей, на отсутствие новых сил в литературе. Но стало презиуму по-серьезному, по-деловому ознакомиться с литераторами, как оказалось, что такие люди есть. В течение ряда лет в литературе действовали дающие люди, они писали статьи, рассказы, стихи. Но так как в правлении союза с произведениями не знакомились, то люди, создававшие их, оставались в тени. Теперь этих людей заметили, им открыты путь в большую литературу. Работа по приему новых членов союза, проводимая сейчас презиумом ССП в Москве, — большое и положительное явление. Но это только начало. В ряде республиканских и областных организаций живут по-стариковски, подменяют нужное в стране дело администрации-канцелярскими методами работы. О том, насколько это временно, свидетельствует печатаемое в сегодняшнем номере нашей газеты письмо из Минска.

Отсутствие демократизма в работе приводит к притуплению бытности, мешает ликвидировать последствия бюрократии. В каждой организации союза писателей есть талантливые, честные, полезные делу социализма люди. Нужно уметь только их видеть, уметь найти и привлечь к работе. В каждой республике, в каждой области есть одаренные, любящие литературу люди. Они должны быть в союзе писателей.

РАБОТА С МОЛОДЫМИ ДРАМАТИУРГАМИ

Вчера состоялось заседание бюро драмсекции ССП СССР, посвященное докладу А. Файко, руководящего комиссией по работе с молодыми и начинающими драматургами.

А. Файко внес на обсуждение предложение об улучшении творческой помощи молодым авторам. Докладчик указал при этом, что право драмсекции с самого начала самоустроилось из работы с молодыми авторами, полностью перевернув ее комиссии. Бюро драмсекции признало этот упрек вполне справедливым.

Принято решение расширить комиссию по работе с молодыми начинаяющимися драматургами, ввести в нее новых членов: И. Бабеля, В. Гусева, В. Шваркина и К. Финна и присвоить комиссии на основе премий, развернувшихся по личному А. Файко, построить план дальнейшей работы.

На этот же заседании бюро драмсекции решило передать в прокуратуру дело о Половине, наставляющем клеветническими заявлениями общественные организации Москвы.

На защиту демократии и мира!

К совести человечества

Союз чехословакских писателей обратился со следующим воззванием:

«В грозный час, когда решается судьба мира, мы, нижеподписавшиеся представители союза чехословакских писателей, обращаемся к вам, носителям совести человечества, со следующими глубоко продуманными словами:»

В течение веков мы жили бок о бок с нашими соотечественниками, говорящими на немецком языке. Это было время плодотворной совместной жизни и соревнования в области культуры. Любопытство охватило нас, чтобы мы наше земля, наша общая родина сделалась очагом новой Европы, лучшей и более счастливой, и мы трудились в этом направлении. В полном сознании своей ответственности перед историей обращаемся с последнего островка демократии, оставшегося в Центральной Европе, с наименем, в котором заявляем, что наш народ не виноват и не будет виновен в угрожающей ему катастрофе.

Мы стремимся из всех сил защищать мир, наш общий мир. Но мы со всей энергией будем также бороться за свободу своей родины.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свободе и чистоте.

Мы обращаемся к вам, потому что вы больше, чем кто-либо, привыкли защищать то, что до сих пор всегда являлось частью Европы и всего цивилизованного мира: уважение к истине, к свобод

Важное и хорошее дело

Партия уделяет очень большое внимание работе группы сочувствующих. Одна из партийных организаций союза писателей и издательство до самого последнего времени работали с сочувствующими неудовлетворительно. В республиканских организациях союза писателей в группах сочувствующих не привлекены литераторы (Белоруссия), до самого последнего времени так обстояло дело и на Украине.

Такое положение в группах сочувствующих разошлося противоречием политическому настроению среди литераторов. За последние годы выросли прекрасные картины писателей — непартийных большевиков, вызвавшие вопросы политической активности. И если бы парторгами работали по-большевистски с сочувствующими, они обратили бы большинство активистов людей, близких партии, прерывавших делу социализма.

Декабрьский план ЧК ВЛК(б) 1935 г. в своих решениях по докладу товарища Клюка записал: «Всё ясно работе по приему в партию партийные организации должны серьезнейшее внимание обратить на группы сочувствующих, как на важнейший резерв пополнения рядов ВЛК(б)». Едва ли слабый рост партийных организаций в союзах писателей за счет преданных партии людей обясняется невыполнением решений ЧК ВЛК(б). Как правило, группы сочувствующих работают очень слабо. Среди сочувствующих нет партийно-воспитательной работы, на собраниях группы не ставятся актуальные политические вопросы.

Приведем несколько примеров. В группах сочувствующих Гослитиздата 15 человек. Они прекрасно работали на избирательном участке, несли и другие общественные обязанности в издательстве. Соответствующий т. Тарасенко организовал среди избирателей в кружках МОНР. Тов. Другов за последние годы вырос в способного организатора антиреакционной пропаганды. Но парторг не умеет еще так, как надо, работать с сочувствующими.

О недостаточной работе с сочувствующими в Гослитиздате больше всего говорит случай с т. Клытниковой. Она давно работает в Гослитиздате курьером производственного отдела, но о повышении ее квалификации никто не забывает. Тов. Клытникова не помнит ни одного совещания с сочувствующими, ни одного разговора с секретарем парторга за последние месяцы.

Тов. Чернявская два месяца назад перешла из другой организации в Гослитиздат. Она в течение двух месяцев никак не может получить от партийной организации заданий по общественной работе, никак не может добиться приема у секретаря парторга.

Надо покончить с таким бездумным отношением к сочувствующим, надо уметь проявлять стalinскую чуткость и заботу о каждом близком партии человеку.

В некоторых партийных организациях очень честно обстоит дело с малограмотными сочувствующими. Взять хотя бы ту же тов. Клытникова. Она очень хочет учиться, но партийная организация Гослитиздата не усаживалась даже в этом ей помочь, и тов. Клытникова была вынуждена где-то на стороне устроиться на общобразовательные курсы. Для малограмотных сочувствующих следует организовать общеобразовательные кружки, а там, где это невозможно, надо оказать индивидуальную помощь желющим повысить свои знания. А для этого надо знать, в чем нуждается каждый сочувствующий, какие трудности встречаются в его работе.

В некоторых партийных организациях издаются малограмотные сочувствующие еще не читали устава партии. Существующая парторганизация «Молодой гвардии» т. Зинина говорит, что они не сколько раз приступали к изучению у-

3. ШАРКИ

ПЛОХОЙ ПАРТОРГ

Партийная организация советских писателей Белоруссии не может показаться, что она проводила большевистскую воспитательную работу среди партийных и беспартийных писателей.

Казалось бы, что после опубликования «Правды» «Истории ВЛК(б)» парторг союза возместила по-большевистски за организацию учебы писателей. Однако партгруппа ничего не делала для подготовки изучения истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). До сих пор

3. Г.

не подумали о комплектовании кружков пропагандистами, о типе кружка, не учтены знания и культурный уровень коммунистов, не принятые меры к привлечению беспартийных писателей к учебе. Больше того. Решив в пожарном порядке наверстать упущенное, партгруппа, вопреки прямым указаниям партийных органов, подменяла изучение истории ВЛК(б) громкими коллективными чтениями. Такая позиция партгруппы свидетельствует о невыполнении партгруппой директив партии.

Л. БОРОВОЙ

ОКСФОРДЦЫ

У нас еще почти совсем не знают Сэссилии Дэй Льюиса. Поэт несомненно замечательный, он в прошлом очень удачно дебютировал как романист («Древо двух дубов»). Недавно вышел второй его роман — «Отправной пункт». В Англии он вызвал очень заметное «движение в за-зе».

Это роман о молодых людях, о четырех товарищах по выпуску из Оксфордского университета — Антони Ниэле, Джоне Гендерсоне, Теодоре Фоллете и Генри Войне.

Газеты слеют за оксфордцами очень пристально. В романе Дэй Льюиса один из героев характеризует положение следую-

щего образом: «Они хорошо знают друг друга, и когда кто-нибудь из них решает стать «законченным» и показательным в таком смысле, все остальные издаются раньше него на этот «законченность». С каждым из них ты такой «законченный»? Да ли мы вместе выбирали себе героя?»

В годы студенчества все они пережили всесоюзную стачку (1926 г.). Это был седьмой кризис. Студенты, как правило,

НАКАНУНЕ 125-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина в Москве разработала план своего участия в праздновании 125-летнего юбилея со дня рождения Т. Г. Шевченко.

Решено подготовить к юбилею издание библиографии произведений Т. Г. Шевченко на русском и иностранных языках. Национальному отделу библиотеки поручено подготовить библиографию произведений поэта на языках народов СССР.

Намечено организовать юбилейную выставку памяти Т. Г. Шевченко и посвятить ей один из очередных номеров «Записок» рукописного отдела Ленинской библиотеки.

КИВВ. (От наши. корр.). Гослитиздат Украина готовит издание «Бобзарь» с рисунками художника Ижакевича. Издастельство объявило конкурс на оформление книги, форзаца, страницы с юбилейными датами титульной страницы. За лучшее исполнение установлено две премии — 1500 руб. и в 1000 руб.

Иллюстрации оперы «Ярема Галайда» по произведениям Т. Г. Шевченко, «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Чигрин» и др., пишет украинский поэт Любомир Дмитров.

Опера, в 4-х актах, изображает героическую борьбу украинского народа с польской шляхтой.

Л. Дмитров заключил и сдал в Управление по делам искусств при Совнаркоме УССР первые два акта, после утверждения которых композитор одобрен Ю. Лятошинским и приступил к работе над музыкой.

Лятошин будет окончен в начале октября, музыка — в январе 1939 г. Откроется в юбилейные дни.

В Дом-музее Т. Г. Шевченко в Киеве

является на выставке «Литература в современную Французскую литературу».

С тех пор число писателей, вернее, лиц, пишущих себя писателями, стало стремительно расти. Официальные власти страны в конце концов решили, что, собственно говоря, нет никаких причин к тому, чтобы Бельгия, по примеру других стран, не обзавелась своей литературой, и каждый, возомнивший себя писателем, почтуировал, что его мания или, в лучшем случае, честолюбие поощряются и даже культурируются.

Каждый автор считал себя «сталинским писателем» — однородным для писателей, пишущих на французском языке и живущих в Бельгии, и для его парижского, брюссельского, канадского или швейцарского собрата. Не только общность языка придает нашей литературе сходство с французской, сходство гораздо более значительное, чем несомненно, порожденное физической и политической географией. Бельгия сосредоточила духовные связи, необычайно универсальный и привлекательный характер французской культуры своим народом, породила зрелые и значительные произведения. Теперь, когда германские фашисты провоцируют войну в Центральной Европе, долги всей эмиграции — однородности со всеми защитниками мировой цивилизации.

«Общее образование, атмосфера умственной жизни, способ выражения мыслей, эстетические вкусы, художественное восприятие нового и старого искусства, — одним словом, культура — однородны для писателей, пишущих на французском языке и живущих в Бельгии, и для его парижского, брюссельского, канадского или швейцарского собрата. Не только общность языка придает нашей литературе сходство с французской, сходство гораздо более значительное, чем несомненно, порожденное физической и политической географией. Бельгия сосредоточила духовные связи, необычайно универсальный и привлекательный характер французской культуры своим народом, породила зрелые и значительные произведения. Теперь, когда германские фашисты провоцируют войну в Центральной Европе, долги всей эмиграции — однородности со всеми защитниками мировой цивилизации».

«Литература в Бельгии» — «будем сильны собой, позитив», который в своем индивидуальном и положительном смысле является духом обобщенности, всеобщим.

Особенные старания прилагаются к тому, чтобы бельгийских авторов, пишущих по-французски, представить как некую автономную группу, глубоко отличную от французских авторов. Общность языка устанавливается между теми и другими языки лишь чисто внешнюю связь. Итак, в нашей литературе утвердился дух обобщенности, всеобщности, а также старания прилагаются к тому, чтобы бельгийских авторов, пишущих по-французски, представить как некую автономную группу, глубоко отличную от французских авторов.

В каждой из групповых выставок в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

В юбилейные дни в Бельгии вспоминается Т. Г. Шевченко.

</

Отраженные огни

Есть три категории местных изданий. Которые из них относятся к таким изданиям, в которых рядом с вещами поэтическими попадаются произведения, способные украсить не один серый и безразличный том какого-либо «столичного» журнала.

Во второй категории относятся множество в полном смысле слова провинциальных изданий; они напоминают старые ученические журналы, непосредственность здесь — от отсутствия мастерства. Это первые опыты в стихах и прозе, низкий уровень которых виден с первого взгляда.

Но между теми и другими лежат довольно большое количество изданий, о которых сразу даже не скажешь ни одного слова, ни хули, ни хорошего. Как будто бы все на месте: рассказы, стихи, фольклор, актуальная тематика, литературный слог профессиональных лицемеров не так много, все «на уровне», а читать то, в сущности, нечего.

Можно встретить в печати диаметрально противоположные рецензии на подобные сборники — и хорошие и плохие. Да и те и другие будут правильны, дело здесь не в рецензиях. Авторы, прочитав отрицательный отзыв, с полным основанием могут ответить: «Наша вещь может быть напечатана рядом со многими печатающимися в столичных журналах, ибо они на одинаковом уровне». И в этом тоже будет правда.

Суть в том, что авторы и издатели альманахов равняются на ту середину, посередине и безличность которой вполне достаточно и в «столичных» изданиях. Альтернативный журнал давит на них; если автор печатается в таком журнале и, следовательно, признан в литературе, ему нужно подражать. Делается ставка на настоечное и передовое, что гораздо легче.

Перед нами — сборник. Издан он в Оренбурге. Много авторов побросковски работали над произведениями, помещенными в этом сборнике. Редакторы редактировали. Областное издательство выпустило в свет. Рецензенты напомнили о нем с почтой или с приданием. Но читатель, прочитав сборник и оставшись равнодушным, это, конечно, самое печальное для авторов. Поэтому мы не будем писать рецензии, а попытаемся говорить с авторами «по душам».

Литературно-художественный сборник «Степные огни» содержит восемь рассказов, девятнадцать стихотворений, два очерка, две критические статьи, фольклор; представлена все разнообразие жанров. Шесть из восеми рассказов посыпают нашей современной действительности, один — гражданская война, один — права духовенства. Семнадцать стихотворений написаны на остро-политическая темы и лишь два воспевают такие малоактуальные явления, как дождь и зима.

Однако оренбургские «огни» не светят и не горят. Они напоминают бутафорское пламя, которое можно брать в руки: сделано оно из бумажных лент и подсвечивается снизу электрическими лампочками. Этой «бумажностью» пламя допустима на сцене, которая сама — условность, и, принимая ее, зритель верит событиям вокруг условного костра. Известно, что законы спектакляического построения склоняют допускать, чтобы в одном акте и даже в одной комнате одновременно совершились многие события и встречались все необходимые герои.

Но в прошлом все герои не могут входить через одну и ту же дверь; может быть, это будет эффектно, но зато малоубедительно. Авторы «Степных огней», очевидно, больше всего забились об эффекте и поэтому стремились к острым и очень «ярким» сюжетам. Они характерны: в рассказе «Шрам» советский летчик, бывший колхозник, едет в одном автомобиле со шпионом, бывшим кулаком. Оба они из одного и того же села, и летчик узнает шпиона по шраму на лице и разоблачивает его.

В рассказе «Братья» красноармеец-разведчик встречается в лесу со своим родным братом белогвардейцем и тоже узнает его и тоже по шраму на лице. После бояры с братом, сопровождаемой душевными переживаниями, красноармеец убивает белогвардейца.

В рассказе «Родная земля» в немецкий колхоз в тетушку Гретте прислали посыпку далеких родственников из Германии. В посыпке — земля из предыдущего сада, из которого она родилась. Случившийся тут же, вскоре кстати, заведующий хатой-лабораторией обнаруживает, что земля заражена с целью погубить колхозные посевы.

Как видим, у авторов — стремление отыскать две огромные машины из очень узкой плошки, при острой, почти приступочной ситуации. Отсюда вечные, давно знакомые бояры-враги, примитивный вагонный шиноп и даже традиционные шрамы на лице. Читатель видит с самого начала, что герой выведен для борьбы, как на арену.

Изюминка слова художественная и жизненная правила здесь подчинены только осторожному расположению. Поэтому, например, шпион пытается вывезти у летчика нужные ему сведения такими навязанными схемами: он спрашивает: «...меня очень интересует, что живут ваши летчики, эти горные соколы нашей родины. Как высоко, как быстро они летают?». Это, конечно, случайный примитив, но тот же герой откладывает и более удачные вещи. Поэтому в хорошо написанном рассказе «Родная земля» герой, обнаружив, что посыпка с землей оказалась временной, начинает вдруг проявлять ходульные и митинговые фразы, не свойственные людям из бытовой обстановки.

Стремление обозначить в каждом рассказе какую-либо из известных журнальных рубрик «У них и у нас», или «Проще и настойчивее» — губительная черта многих произведений. Редакторы и авторы полагают в этом, очевидно, хороший, во всяком случае, обозательный стиль. Поэтому в рассказах и стихах прошлом непременно тут же ему противопоставляется настойчивое, а в произведениях о настойчивом кто-либо из героев обязательно рассказывает о прошлом. Но авторы забывают о необходимости поводов и мотивировок, без которых не поймет, почему тот или иной герой выходит погружаться в воспоминания. Так, в рассказе «Лебя» лес-колхозник начинает длинное повествование о своей жизни в связи с тем, что кто-то посыпал на него сломанный зубом. В рассказе «Ефим Мартынович» словоохотливый старик говорит: «Я просил вас посоветовать нам, как лучше писать книжку...»

Потом проходит через сборник, как на экзамене по классу лекции; кажется, будто они произносят по очереди одно и те же стихи. Более или менее правильно поставлено цитирование, разработана линия, принятая нужная поза. Но почему же все голоса так похожи один на другой и не слышно в этих голосах ни души, ни волнения?

Приемлемая склонность поэтов сборника к красивым словам. Здесь найдем и «сыпанные радугой салы», и «золотое плодородье», и «солнце, крылом золотистым скользя», и «лучезарные отблески зари». Мы встречаем здесь знакомый «разлив молодой пшеницы» и «оттененный задор». Да, мы видели это уже не раз в журналах и альманахах — все эти «задоры» и «разливы», все эти многочисленные словесные выверты, в которых чувства подменены эмоцией, где литературные обороты строятся по чертежам, пшеница не похожа на пшеницу, а заря на зарю. Авторы учатся поэтическим трюккам на тех многочисленных, но плохих стихах, которые делаются с ходячим сердцем, более или менее ловкими руками, делаются чисто внешними приемами.

Это не неумение, это пагубная «умелость». Поэтому человек, заговоривший вдруг в этом классе декламации простыми словами, кажется лауреатом. Таков в сборнике Игоря Бортикова со стихами «В пути». Он тоже говорит о напутствии, о счастье труда, но он напел для них человеческие чувства, конкретные образы и точные слова. Паровоз его бежит по настоящей земле, и слышен скрип колес и запах гарячей машинистки ведет из далекого Туркестана состав с хлопком для страны.

Зато первым перевалом, Тревожный гром, железный гул. Столбы, поющие интервал, Печатный лежит караул. Пусть ночь темна, и путь далек, Свети сигнальный уголок!

Взаимоотношения столицы с провинцией в литературе никогда не отшлифованы на односторонней зависимости. «Свет»шел из столицы, но птичье дыхание ему страна; вся великая русская литература провинциальна в высоком смысле этого слова, потому что ее определяют миргородские села, тульские птицы, каравашины горы, уральские леса, волжские города и те же оренбургские степи. Их земли, их краски, их чувства — если великие делатели литературы в общую сокровищницу слова.

И литература вправе ждать от «периферии» новых соков, свежих сил, новых людей. Когда-то для них были обязательны котомка с плащами и трудный путь в Москву и Петербург. Сейчас термин «литературная провинция» вышел из употребления, потому что ее определяют миргородские села, тульские птицы, каравашины горы, уральские леса, волжские города и те же оренбургские степи. Их земли, их краски, их чувства — если великие делатели литературы в общую сокровищницу слова.

Они неутомимы и педантичны, такие люди... Не спят по ночам и не отыкают окон, они ходят из музея в музей, от памятника к памятнику, долго стоят у плакатов, с живописными окрестностями зомбятся на скалы или скамейки, прославленных тем, что на них кто-то когда-то сидел или стоял. Они возвращаются домой оглушенные, так и не сумев отличить главное из того, что они видели, от второстепенного и случайного. И когда у них спрашивают, что они видели, они с гордостью говорят: «Все».

Роман Ф. Кизиева «Прииск в тайге» напоминает такое путешествие.

Похоже, что Кизиев, задумав свой роман «Прииск в тайге», составил себе способный преискусственник собственный и приспособленный, который могут иметь место на прииске при том условии, что прииск находится близко от границы, т. е. там, куда чаще засыпают циповки.

Составив список всех возможных вариантов столкновений между людьми, Кизиев попытался изобразить эти столкновения в художественной форме. Но именно желание показать «всех» снизило художественный уровень романа:

Конечно, в жизни многие процессы совершаются одновременно. Но в жизни — другая приложенность. События не дают друг на друга. Искусственно же вытеснены на узкую площадку, эти события порождают суету при том, что прииск наравне в «отдел прииска».

Например, Майданов заботливо относится к Даше, у которой отец — раскулаченный. Он говорит ей: «Мы суждены о людях по делам их. Но делам! Если вы честно работаете, широкая дорога открыта вам. А папаша пускай сам за себя отвечает...»

Но когда весь поселок травит Дашу, никто этого не замечает. Ни Майданов, ни рабочий

из поселка не любит замыслы автора.

Но нужны ли нам кривые зеркала вместо настоящих? Кизиев не сумел найти главного и характерного. «Прейсикурант» был составлен человеком, проявившим в произведении смелый, самобытный, определенно вытворяющим литературу.

Вспомним основные события в романе.

1. Парторг Майданов враги стреляют в спину в первый раз неудачно, но во второй раз — он ранен. Рана эта смертельна.

2. Сборник стоит на среднем литературном уровне, и именно это заставляет говорить о нем по-товарищески, но струро.

Мне кажется, что у оренбургцев хватит мужества выбрать второй вариант. Мы вовсе не за то, чтобы «Степные огни» погасли.

Чем больше литературных огней, тем больше шансов для появления отличных произведений и отличных писателей. Против тяжелых угольков, против костров, подвещенных искусственным светом софитов, за естественное горение с нормальным логистом кислорода. Мы призываляем оренбургцев сделать следующий шаг вперед — к производству смелых, самобытных, определенно вытворяющим литературу.

Корреспондент, прилетевший из Лондона, захотел посмотреть, как живут рабочие Игарки. Зашел он в один столовый на рынке, но хозяйина дома не оказалось. Гости встретили девочка-пионера. Она извинилась, что долго беседовать с англичанином не может.

— Мне нужно идти писать нашу книгу!

«Увидел, что я ушиблен, — рассказал затем на страницах своей газеты английский журналист, — она обяснила:

— Пионер Игарки пишет книгу о жизни детей Арктики. Я пишу о катанье на санях. Мы должны окончить работу к весне, потому что обещали Горькому выполнить план... Это он дал нам мысль

писать эту книгу, и он послал нам свою копию. Теперь один французский товарищ тоже обещал нам помочь... Я думаю, что это его знаете. Это товарищ Роман Роллан...

* * *

В декабре 1935 года две тысячи пионеров и школьников Игарки написали Алексею Максимовичу Горькому большое и интересное письмо о своей жизни, о жизни своего замечательного города.

«Алексей Максимович, — закончили ребята это письмо, — мы обращаемся к Вам большую просьбу. У нас у всех есть большие надежды на Вас, чтобы Вы написали книжку о том, как живем и учимся за Полярным кругом. Мы очень просим Вас посоветовать нам, как лучше писать книжку...»

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО...

Рисунок Л. Бродаты.

...и вот, когда вы, дорогие правнуки, достигнете моего возраста, — получите по этой подписке третий, пятый, шестой, тринадцатый, семнадцатый, девятнадцатый и двадцатый томы О. Бальзака и еще две-

Б. ЛИТВИНЦЕВ

«Прииск в тайге»

Бывают добросовестные экскурсанты. Репетиция совершила путешествие, они покупают путеводители, справочники, рюкзаки, шапки-памперсы и трогаются в путь, тщетно решив все увидеть, все посмотреть, получить за свои деньги полное удовольствие.

Они неутомимы и педантичны, такие люди... Не спят по ночам и не отыкают окон, они ходят из музея в музей, от памятника к памятнику, долго стоят у плакатов, с живописными окрестностями зомбятся на скалы или скамейки, прославленных тем, что на них кто-то когда-то сидел или стоял. Они возвращаются домой оглушенные, так и не сумев отличить главное из того, что они видели, от второстепенного и случайного. И когда у них спрашивают, что они видели, они с гордостью говорят: «Все».

Враги вызывают эпидемические заболевания среди детей. Гибнет сын партнера.

6. Враги убивают старателя Макарку, пашущего золото.

Нагромождение трагических событий поглотило все внимание автора. Действительно, не так уж легко свести концы с концами, если роман превращен в «отдел прииска».

Например, Майданов заботливо относится к Даше, у которой отец — раскулаченный. Он говорит ей: «Мы судим о людях по делам их. Но делам! Если вы честно работаете, широкая дорога открыта вам. А папаша пускай сам за себя отвечает...»

Когда Кизяков признается Даше, что он вредитель, то она не только не рассказывает этого Туранову, засыпанному вместе с ним, но и потом так долго собирается рассказать Майданову, что ее успевают «убрать».

Казалось бы, что, несмотря на все недостатки, книгу Кизиева можно было бы оценить менее сурово. Очень актуальная тема — классовая борьба на прииске. Известен материал. Мы очень мало знаем о людях, добывающих советское золото. Нельзя не обнять замыслы автора.

Но нужны ли нам кривые зеркала вместо настоящих? Кизиев не сумел найти главного и характерного. «Прейсикурант» был составлен человеком, проявившим в произведении смелый, самобытный, определенно вытворяющим литературу.

И вот англичанин очнулся.

За чтением журнала

На литературных собраниях, за чтением рассказов и стихов часто говорят о правдивости произведения. Иногда авторы, возможно, критиками, говорят так: «О чем спорят? Здесь описан действительный факт». Видимо, забывается при этом, что художественная правда — не всегда достоверность жизненного факта. Правда эта не только истинность происшествия, отношения человека к человеку, не только достоверные факты, которые увлекают читателя, страдающего пороками бытозависимости.

Словом, все выяснилось: Ваня, действительно узнает из рассказа о матросом, который вынужден служить матросом.

Вот все — и не больше того, что читатель узнает из рассказа.

Во втором рассказе М. Ефетова происходит некоторое сомнение с телеграммами, из-за которых одна старушка-наследница блефует на воротнике блузки, поговорил с крестьянами, с удивлением узнал, как предпримчиво и весело спрашивали в Милюковском дне рождения Пушкина, и обо всем этом написал рассказ Паустовского.

В седьмой книге журнала «Красная новь» мы читаем рассказ «Михайловские рощи». Да, собственно, и рассказы, и почтовые, и начальники почты в предыдущем рассказе Паустовского, — это рассказы о том, что в этом анекдоте все случилось спровоцировано самим автором.

Следующий рассказ — «Лицей» — это рассказ о том, что в этом анекдоте все случилось спровоцировано самим автором.

Что узнал читатель? О трех соснах, о двух озерах, о ветхой избушке Арины Родионовны, о церкви на погосте Вороничи, — обо всем этом читатель вероятно знал и прежде, но теперь, прочитавши рассказ Н. Атарова

Литературные консультации нужны

Методы работы с молодыми писателями в последнее время горячо обсуждаются и требуют немедленного изменения. Формы работы литературных консультаций начинающего автора не удовлетворяют: он не получает деловых творческих советов, отзывы о рукописи, часто противоположные, дезориентирующие его.

Правда, таланты находят путь в литературу и без помощи литеаконсультаций: примером могут служить гг. Крымов, Нервильев, но не следует из этого делать вывода, что литеаконсультация не нужна. Выход из этого другой — необходимо, чтобы литеаконсультации стала местом, где бережно и любовно выращиваются молодые литературные кадры.

30 июля в редакционной статье «Литературной газеты» писателью сказали, что помощь, рукою подать любым, пробивающим себе путь в литературу, содрогнувшись неумелых руках.

Как была поставлена работа литеаконсультации издательства «Советский писатель» в 1938 году? На эту работу тратились ежегодно от 50 до 70 тысяч рублей. Дирижер распределяла этот участок как наилучшей расход, и этой работой никто не интересовался, никто ее не проверял. Отсюда все качества.

Напоминание литеаконсультации находилось на чердаке под крышей, где зимой все мерзли, а летом заливались от жары. В бельевой комнатке одновременно проводилась беседа с 4—5 авторами, от чего получалась смешная гул, одинаковый всевозможный и автором, от которого получалась бессмыслица.

Консультант должен был прочесть 70 рукописей, написанных частично карандашом, от руки, неразборчиво, нетримотно, и написать рецензии или пропустить ветку на каждой рукописи. Чтобы выполнить эту норму, консультант должен был прописывать ветки. Сейчас многое изменилось.

За 6 месяцев 1938 года консультации получили 2.700 рукописей. 75 проп. из них пришли со всех концов Союза. Этот большой поток говорит о культурном росте народа.

Есть небольшая категория авторов, нечтанием огораживающих, есть авторы, уверенные в своей гениальности. Например, один из таких, говоря о приемниках Пушкина, пишет: «Кто путь велик завершил, ко- нец Родинов».

В консультации проводится большая воспитательная, педагогическая работа, и в ней следует относиться внимательно и любовно. Эту работу не обязательно возлагать на высококвалифицированного писателя, ее может выполнить знающий и любящий литературу человек.

Вот яркий пример. В консультацию яв-

В порядке обсуждения

обсуждение актива прозаиков, поэтов или кружка рабочих рецензентов. Затем производится ставится на обсуждение редактором литеаконсультации, где решается вопрос о его напечатании.

Несколько рукописей таких авторов было напечатано в журналах «Новый мир», «Колхозник», «Огонек» и др. Например, печатались Степнов, Корольков, Новоселаский, Рублев. Кроме того, консультация отбрала 23 рукописи авторов (стихи и проза), которые войдут в сборник. Материал отредактирован и подписан к печати Т. Митрофановым. Сборник будет выпущен издательством «Советский писатель». В нем впервые выступят в печати Льдов, Ульянин, Назарова, Степнов, Иминининов, Сотников, Корольков, Новоселаский, Лукевич и другие авторы. Это произведения из коллекции двухтысячной дружеской беседы. Автор ушел расстроенный, забрав свои два мешка рукописей, а через неделю в консультацию привнес письмо: «Спасибо я был глупый, когда ожидал увидеть свой роман напечатанным. Я понял, что писателем мне не быть. Спасибо за урок».

Такие рукописи — первое явление, и консультанты терпеливо, дружески, устроили письменно разъяснения авторам, что такое художественное творчество, какие требования предъявляет наша страна к «кинематографическим человеческим лицам». В результате, авторы, которых есть что сказать читателю. Им нужно серьезно работать над собой, им нужна творческая серьезная помощь. На работу с этими авторами консультация затратила много энергии и сил.

Редакторы-консультанты любовно и добросовестно работают с автором. Это основной участок работы нашей литеаконсультации, который требует особого внимания в работе, это как раз тот участок, где необходимо авторитетная помощь квалифицированного писателя, но помочь не случайная, а организованная. Наиболее талантливым начинанием писателям должны творчески помочь поливные художники.

Эта бесспорная истина до последнего времени не находила отклика в споре советских писателей. Союз не проявил внимания и заботы к молодым начинающим писателям. Больше того, рукописи, получаемые непосредственно союзом, автоматически пересыпались в консультацию, причем субъекты их, за редким исключением, не интересовали никого из писателей.

Этот человек честно относится к себе и своему труду, он не боится суровой критики. И если из него не получится писатель, то может выйти человек, любящий литературу, и разбирающийся в ней культурный читатель.

Но есть другого типа рукописи. Примером может служить автор, командир Красной Армии, тов. Степнов, который в течение долгого времени безрезультатно обивал пороги многих редакций Москвы и не смог не только напечатать свои произведения, но и получить обоснованный отказ в творческую помощь. И только после серебряной трехмесячной работы нашей консультации с т. Степновым его рассказы были приняты в печать.

Чтобы выполнить из всего потока рукописей этой категории, консультация ведет предварительный первичный отбор. Из рукописей, представляющими литературную ценность, проводится серьезная работа. Консультант дает автору необходимые указания и после переработки рукопись идет на

К. ИВАНОВА.
зав. литеаконсультацией
издательства «Советский писатель»

ОБСУЖДАЕМ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» состоялось обсуждение плана на 1939 год. В обсуждении участвовали писатели, библиотекари, читатели.

— Уже самий факт обсуждения плана 1939 года в 1938 году, — указывали участники совещания, — является «издательской новинкой». Как известно, издательский план 1938 года обсуждался в Ленинграде чуть ли не в середине 1938 года, а перспективы 1937 года — глубокой осенью, когда большинство книг было уже выпущено. Такие обсуждения были лишь бюрократической отпиской!

В будущем году Ленинградское отделение «Советского писателя» наметило издать 152 книги. Из них 76 книг — новые произведения советских писателей, а 65 книг — «Библиотека поэта». К сожалению, большинство собравшихся библиотекарей и читателей не могло подробно говорить о многих книгах, так как кроме заглавий, упомянутых в плане, ни об этих книгах ничего известно не было. Участники подобных совещаний слушали как презентацию, давать аннотации и характеристики новых произведений, предположенных в печати.

Основная критика плана пала по линии заметных тиражей, которые, по мнению многих товарищей, установлены кабинетно, без учета действительных читательских требований. Книги А. Толстого, Ю. Тынянова, М. Зощенко и других лучших советских писателей попрежнему остролепитны, в библиотеках немногие экземпляры зачитываются до дыр. Между тем на эти книги установлены примерно такие же тиражи, как и на произведения авторов, зарекомендовавших себя как «творцы» литературной «серии».

Библиотекари справедливо указывали, что не всякое произведение может претендовать на отдельное издание. И если не вызывает желания редакции того или иного журнала и напечатает «серую повесть» или роман, то это вовсе не значит, что эту повесть надо издать в десятках тысяч экземпляров и затромпотать ими библиотечные полки.

Совещание единодушно поддержало решение издательства увеличить тиражи «Библиотеки поэта» и перевозить в распределенном виде «малую серию» «Библиотеки». В 1939—40 гг. выйдет 100 выпусков «малой серии» вместо 60 выпусков замечательного в 1939 году первого издания. Библиотекари отмечают, что «Библиотека поэта», возникшая по инициативе А. М. Горького, пользуется большим успехом.

Руководство издательства обещало учесть критические замечания, высказанные на совещании.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Издательство «Советский писатель» выпускает в ближайшее время школьную библиотечку, в которую включены следующие книги: «Справомович» — Избранные произведения, Григорьев — Партизанские рассказы, Тынянов — «Книжка», сборник стихов Сулеймана Стальского, сборник стихов современных поэтов и «Стихи и проза» Тимофеева.

Литературная газета

№ 54

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА

Рассказ

Долго шла девятнадцатая Наташа со своим меньшим братом Антошкой из колхоза «Общая жизнь» в деревню Панютино, а дорога была длиной всего четыре километра, но... великий мир в детстве... Наташа понервничала то несла брат на руках, когда он жалостно поглядывал на нее от усталости, то ставила обратно на землю, чтобы он шевелился, потому что брат был корчманный, тяжелый, ему уже сравнялись четырьмя года, и она умывалась от него.

Рожь медленно шумела около тихо бреющихся по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнующий в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и солнышко, ночнуюший в скотном сарае, — и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и кивает на нее разные головы, как будто привет: «Наташа, или ужинай, тебе снять пора, что ты звезды синицы, завтра о пятье день настанет: успеши еще пожинать!»

Наташа понюхала воздуха, нахмурила нос, и вспомнила, что изменилось в ее жизни.

— Пусть едят, сейчас вот приду, — ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были с азакомилем плетеные ветвиами, травы и деревья. Но под окном бабушка пошла по дороге детей. Бязовобачное небо, туманное и бледное от простой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избами и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночь бывает интересней и лучше; потому что в колхозе одни добрые, кроткие сверчки, кв

ТЕАТР · КИНО · МУЗЫКА · ЖИВОПИСЬ

С. ГЕХТ

«Шел солдат с фронта»

Пьеса В. Катаева в театре им. Вахтангова

I.

На рекламных щитах появилась свежая афиша. Она выглядит заманчиво и сулит любителям театрального искусства увлекательное и значительное представление. В самом деле, театр им. Вахтангова, то есть один из лучших наших театров, приглашает москвичей посмотреть новую пьесу Валентина Катаева «Шел солдат с фронта».

В последнее время мы все радовались большим успехам Валентина Катаева-безлетриста. Но для кого не тайна, что пьеса сделана Катаевым из его повести «Я, сын трудового народа». А повесть эту мы с вами хорошо полюбили и полюбили ее зра. В ней В. Катаев прекрасно развернул свои силы, свой хороший юмор, свою неизуемую умелость в области композиции, свою чуткость в передаче народной речи, свою тонкую, иногда даже пересуточную и грешающую излишней детализацией, наблюдательность. Все это было у Валентина Катаева и раньше, но в последние годы он вышел с боковой стороны на главную, причем не только не расставил свое вооружение, как это случилось кое с кем, но еще обогатил его, углубившись.

Афиша, расклешенная на щитах, заманчива потому, что неостановимо вспоминается, в которой В. Катаев написал своего героя революции, бомбардира-народчика Семена Котко. Проровев четыре года под крылом Котко дома, на Украину, в родную деревню, чтобы получить землю и засеять ее. Он думал: никогда уж не придется больше возвратиться. Но в дальнейшем ворвались германские интервенты, и Котко — слова бомбардира-народчика, защищающий свою землю, свою Украину, свою советскую власть. Мы полюбили яркую жизнь Котко, его любовь к Софии Ткаченко, его страдания и удачу, о которых В. Катаев рассказал в духе народной сказки и которая звучит пленительно правдиво. Как родную дочку, полюбили мы веселую девчонку Фросю, наших братьев — кардинального матроса Царева, умного Ременека.

Думалось: он своеобразен, этот спектакль, он очень кстати. Наконец, и театр хороши, и его мы не в драках нашли, вспомнили языком одного из героев В. Катаева. В театре — смелость, молодость. Там работают таланты — и Шукин, и Симонов, и Мансурова, и Горюнов, и Толчанов, и Рапопорт, и еще несколько незаурядных актеров.

Но случилось так, что афиша была заманчива и сузила многое хорошего, а спектакль принес разочарование.

II.

Было ли основание для тревоги? Было! Поэтому что, приступая к приспособлению своих прозаических произведений для спектакля, авторы обычно работают совсем не так, как в период писания повести или романа. Там — упорный труд, стремление к естественности течения событий, к плавности и законченности. Здесь — ножнички и кий.

И в театре, на представлении новой пьесы В. Катаева, явившейся на свет в результате дружного, но нервного союза ножнички и кия, мы сразу увидели, что лучшим оказалось в пьесе именно то, что мы уже знаем, то есть цепью перенесенные из повести некоторые диалоги. Но где плавность повести, где ее естественное течение событий, ее убедительность? В повести партизаны были подлинными партизанами и не просто партизанами, а партизанами 1918 года, в пьесе же автор подстриг их и, наказав историческую реальность, незаконно превратил их в побледневшую часть. В повести мы понимали, зачем Котко бросает гранату в германское командование, в пьесе же мы недоумевали: зачем он это делает, если вслед за ним идет отряд с артиллерийской. И чего ради позволили ему это командр, который в повести совсем иной — исторически верный.

В повести три немецких солдата, по-слаженным с приказом о реквизиции, были убийственны — голые, горячие солдаты, жертвы германского военного механизма, а в пьесе, в театре, они выплыли раскрывающейся в повести, в пьесе

25 сентября в театре им. Вахтангова состоялась премьера пьесы «Шел солдат с фронта» В. Катаева. На фото: актриса Г. А. Пашкова в роли Фроси.

■ ■ ■

дят куклами, чем-то гротескным. Врага надо показывать, как он есть, а не карикатуризовать, это и нехудожественно и вредно. В повести все было правильно, а в театре — ложно. Печальное превращение! Спокойно и автор, и режиссер, а в особенности режиссер, неточно расставляют силы театра. Например, В. Кузя, играющий Котко, настороживший правильный рисунок роли, все же не подходит по складу голосу для катаевского образа. Работает Кузя добросовестно, но без огня; суховато его губят образ, и режиссер Р. Симонов должен был это знать лучше нас. Знал — и не постарался ни с образом Котко, ни с особенностями сценической деятельности Кузя. Надел же он для Фроски молодую и, кажется, безвестную Г. Пашкову. Фроска и в пьесе очень хороша и, разумеется, ее можно сыграть великолепно (за такую роль актрисе должна даться), все же Пашкова сделала немало. Было приятно увидеть Фроску — вот она какая, значит, и приятно слышать ее умную болтовню, ее прелестные девичьи разговоры. На сцене становилось светло и радостно, когда по ней бегала Фроска — разбитная и застенчивая, стыдливая и юмористка, в звонком голосом, с прелестной неуклюжестью девичонки-подростка.

В статье о катаевской повести В. Ермолов правильно отмечает, что «новое содержание бородино, ласково посмеивается над традиционностью формы, в которой оно проявляется». В пьесе же это исчезло, и вместо духа правдивой народной сказки явилась дух мелодрамы. Традиционная форма, на которой повести поменялась новое содержание, стала в пьесе душить это новое содержание и парить самогласно в углу сценического эффекта. И театр стремится подчеркнуть эти недорогие стоящие эффекты, притом делает это бездоказательно, не так, как в других, лучших своих постановках. Художник следил средней декорации, а режиссер показал мало выдумки — не было на сцене яркой и живописной Украины; веселые и радостно-пестрые краски ее потускнели в зеркале театра. Не было того торжественного, народного величия перемоний обретения и звонких, какой есть в жизни и который так искусно описан в В. Катаевом. Чем-то какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

плакатно ясен с первой же минуты, и не веришь, что он смог так бесхитростно пропустить умного Ременюка и его друзей. Отлично написанная в повести фигура кулака Ткаченко в театре тоже выглядела чуточку белей, менее убедительной. Играет его Горюнов, талантлив, но однозначно, стремясь раньше времени вызвать к нему отвращение зрителя. Образ Ткаченко установлен Горюновым с первых же реплик раз и навсегда, и дальнейшее мало что в нем дополняет. В художественном и во многом затруднении работы Горюнова на роль также затесалось что-то из пластика. А массовые сцены сделаны так гаично, так простовато, что просто ливу даешься: откуда здесь такая любительничка?

Если театр прислушается к реалиям зрителя, он немало извлечет для себя пользы, а зрители говорят справедливо о том, что после спектакля опять хочется читать повесть, чтобы вернуть себе прежние впечатления, более глубокие.

III.

А ведь В. Катаев — приторенный драматург. Он автор веселых и отлично драматических водевилей. Мы уверены, что он мог дать театру настоящий драматический произведение. И театр мог дать настоящее художественное представление. Почему же этого не произошло? потому, что и наши драматурги и театры нередко относятся с каким-то пренебрежением к художественному вкусу зрителей. В нашей прозе не мало произведений, которых с честью или с гордостью могут стоять на советской литературе, могут стать национальными памятниками и талантами.

Идея Марка Твэна гуманина и благородна. Сочувственно и тепло относятся он к народу. Уличный мальчишка, оборванный Том Кенти и умом, и способностями, и невинным величием выше знатных людей Англии, окружающих труа. Достоинство человека выше знатности и богатства.

Мыслы Сергея Михалкова написать пьесу по мотивам Марка Твэна — удача. Сергей Михалков не инсценирует «Принца и Ниццего», он пишет новую пьесу.

Михалков изменяет сюжет «Принца и Ниццего». Он ввел новых действующих лиц — певца, поющего об угнетении народа королями, трусливого шерифа. Он изменил и развязку. Том Кенти не хочет оставаться во дворце на должностях маленьчика для битья, как предлагает ему младший король. Он любит независимость и уходит с Майлсом Гентоном обратно на родину.

Эти изменения, сделанные Михалковым, вызывают враждебность в той мере, в какой они жизнены и правдивы. И все было бы, может быть, совсем хорошо, если бы автор и постановщик не стала преследовать заботы за то, что бы то ни стало дискредитировать не столько королевскую власть вообще, сколько самого принца Эдуарда. Это соображение привело к тому, что театр вынужден актрису Юлью играть отвратительного маленького существа, лицемерного каких бы то ни было черт, присущих ребенку. Такие выродки, вообще говоря, существовали в королевских фамилиях. Такими были в детстве Филипп II испанский. Но инфант Филипп не стал бы только одно: нам нужен драматург, чувствующий и трактующий современность. То, что театры забыли величайшие проблемы, которые надо заполнить — явление, лежащее вне искусства и искусства мешающее. План в искусстве совсем не то же самое, что план в производственности. Ошибочный представляется нам и мнение Чавленко, полагающего, что Гослитиздат должен раздавать писателям темы. Планировать в издательствах и театрах — это значит ставить перед литераторами большие вопросы, приближать их к основным героям и проблемам нашего времени, вдохновлять их, но не раздавать темы. Тем более, что тему у нас путают с объектом, с явлением жизни. Забывают, что тема — это уже часть произведения. Тема художника — его мышление, его талант. Тему не так легко дать, тема в искусстве — нахodka, удача. Тема неподготовлена. А у нас говорят так: «Я пишу на тему о женщинах» или «Напишите на колхозную тему». Путаница! Надо говорить: «Я пишу из жизни колхозов». Это характер. Задумано — сделано. Можно не опасаться того, что зрителю будет аллюзировано принцу, — задача как будто выполнена.

Что до того, что поступки действующего лица не важны с характером его, что образ Фальшив вдохновил писателя на создание пьесы. Это значит ставить перед литераторами большие вопросы, приближать их к основным героям и проблемам нашего времени, вдохновлять их, но не раздавать темы. Тем более, что тему у нас путают с явлением жизни. Забывают, что тема — это уже часть произведения. Тема художника — его мышление, его талант. Тему не так легко дать, тема в искусстве — нахodka, удача. Тема неподготовлена. А у нас говорят так: «Я пишу на тему о женщинах» или «Напишите на колхозную тему». Путаница! Надо говорить: «Я пишу из жизни колхозов». Это характер. Задумано — сделано. Можно не опасаться того, что зрителю будет аллюзировано принцу, — задача как будто выполнена.

Однако правда здесь получила именно имено идеологии. Пока Том на троне, всех белянков выпускают из тюрем, отменяется

Чтобы увидеть это новое содержание и парить самогласно в углу сценического эффекта. И театр стремится подчеркнуть эти недорогие стоящие эффекты, притом делает это бездоказательно, не так, как в других, лучших своих постановках. Художник следил средней декорации, а режиссер показал мало выдумки — не было на сцене яркой и живописной Украины; веселые и радостно-пестрые краски ее потускнели в зеркале театра. Не было того торжественного, народного величия перемоний обретения и звонких, какой есть в жизни и который так искусно описан в В. Катаевом. Чем-то какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драматика, пожалуй, и писать не стоило бы, и нечего горевать. Здесь — другое дело, тут горечь уместна, так как видишь, что ржавчина штампа разъедает пенный метал. К примеру, поменщик Клембовский, неожиданно раскрывающийся в повести, в пьесе

Будучи одним из читателей книги В. Катаева и почитателем его таланта, я позвольте себе говорить строго. О язве неудаче какого-нибудь драм

Литературный календарь

1803 г.

Прозпер Мериме и русская литература

135 лет назад, 28 сентября 1803 г., родился известный французский писатель Прозпер Мериме. В длинном списке его произведений значительное место занимают работы, касающиеся русской литературы и русской истории. Возможно, что одной из причин, заставившей Мериме обратиться к изучению русской литературы и русского языка, было желание прочесть в подлиннике сочинения Пушкина, который включил в свою «Песни западных славян» подделки дalmatских народных песен из сборника Мериме «Гуэль».

Пушкин запросил Мериме через их общего знакомого С. А. Соболевского о прохождении песен и в ответ получил признание в мистификации. Под влиянием бед с Соболевским и другими своими русскими друзьями, Мериме с половины 40-х годов проникся за изучение русского языка. С этого времени он, по выражению французского критика Поля де Сен-Биктора, буквально переселился в Россию. Он печатает переводы сочинений Пушкина: «Никонова дама» (1849), «Цыганы», «Гуэр» (1852), «Выстрел» (1856); переводы сочинений Тургенева: «Призраки» (1866), «Петушков», «Собаки» (1869), «Странная история» (1870); переводы «Ревизора» Гоголя (1853) и поэм Лермонтова «Мцыри» (1864); он печатает критические статьи о Гоголе, Тургеневе и Пушкине. Изучает историю России, особенно интересуясь революционными движениями в XVII веке. Результатом этого изучения являются несколько исторических этюдов — о самозванцах, Степане Разине, Богдане Хмельницком, молодости Петра I и др.

Все эти работы Мериме имели бесспорно огромное значение для популяризации во Франции русской литературы.

Пушкину Мериме отводит первое место среди европейских поэтов XIX века. «Каждый его стих», — говорит он, — «плод глубокого размышления. Как Пандар, гомеровский лучник, он долго пишет в своем колчане прямую и остроумную стрелу, но эта стрела не преминет попасть в цель». Реалистичность и скрупульность художественных средств вместе с огромной силой мысли — вот, что отмечает и ценит Мериме в творчестве Пушкина, у которого «пoэзия чудесна».

Мериме высоко ценил Тургенева, его острую наблюдательность, художественные таланты и прекрасный язык. Мериме тонко отметил и самое название книги Тургенева, который «двоажды двумя выстрелами своих рассказов стреляет в сторону рабства, уничтожая его страну».

В 1862 г. Мериме, так много потрудившийся для укрепления культурных связей между Францией и Россией, был избран почетным членом «Общества любителей российской словесности» при Московском университете.

1891 г.

Литературные опыты И. А. Гончарова

27 сентября 1891 г. умер Иван Александрович Гончаров. Первыми литературными опытыми знаменитого романтика были переводы (оно учредило изучал немецкого историка искусства Винкельмана), шуточные рассказы и стихи. Все это, как вспоминали он в старости, «писалось для себя, без всяких целей». В конце 30-х годов Гончаров сблился с семьей художника Н. А. Майкова, сыновья которого — Аполлон (впоследствии известному поэту) и Валерий (впоследствии критику) давали уроки эзотерического языка и русской литературы.

В доме Майковых часто устраивались литературные чтения, велись оживленные споры об искусстве, издавались рукописные литературные альманахи. В одном из таких альманахов — «Лунные ночи» в 1839 г. появилась первая повесть Гончарова «Счастливая ошибка». В ней уже ясно выражены основные черты таланта Гончарова: живость повествования, наблюдательность и юмор. Из этой юношеской повести выросла через несколько лет повесть «Обыкновенная история», прославившая имя Гончарова.

«Счастливая ошибка» впервые опубликована в 1925 г. в 10-й книге сборника «Недра».

21 сентября 1938 г. в гор. Воронеже состоялось торжественное собрание писателей, на котором был вручен членский билет союза советских писателей известной сказочницы Воронежской области А. К. Барышниковой (Куприяновой). На снимке: А. К. Барышникова (справа) получает билет от представителя союза советских писателей А. М. Новиковой.

Фото Х. Коноплиновича (Воронеж).

ПОЭМА «НАРСПИ»

В творчестве классика чувашской поэзии К. Иванова видное место занимает поэма «Нарспи». Большинство читателей и знает его главным образом как талантливого автора этой поэмы, хотя он написал немало других художественных произведений, из которых основными «Довушка» и «Железная мяка».

Не всякий может поверить, что эту прекрасную поэму написал 17-летний юноша. Не будет преувеличением сказать, что до «Нарспи» у чуваша не было изящной литературы, не было литературного языка. Вот почему К. Иванов является основоположником чувашской художественной литературы.

Все творчество К. Иванова говорит о его тесной связи с народом; он хорошо знал язык народа, изучил его народное творчество, явил чешашский фольклор. Оттого и язык у него так богат, оттого стиль его так прост и пленителен.

Какие еще талантливые произведения мог бы дать К. Иванов, если бы царские плачи не довели его до преждевременной смерти! Но и сделанное К. Ивановым ясно показывает, что в его лице чувашская художественная литература имела веетороние развития, высокоталантливого, передового поэта-гражданина, сущего в эпоху черной реакции (1906—1907 гг.) в художественных образах выразить протест против царского самодержавия и борьбы за полное человеческое достоинство.

Первое печатное издание «Нарспи» вышло 28 сентября 1908 г. в сортире под названием «Сказы и предания чуваш». 28 сентября текущего года исполнилось 30 лет со дня выхода поэмы из печати.

С. ЯЛАВИН

По газетным столбцам

На армянский язык переведено около ста произведений Л. Н. Толстого, «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Крестьянская сага» и др. выпущены на армянском языке в нескольких первоходах и изданиях («Коммунист»).

В Ленинграде в Академии художеств в одной из мастерских установлены мемориальная доска в знаток того, что здесь когда-то творил Тарас Шевченко («Ленинградская правда»).

В связи с 125-летием со дня рождения виднейшего азербайджанского писателя Мирзы Фатали Ахундова Азербайджанский государственный музей искусств направил специальную экспедицию в Нуух, где сохранился дом, в котором родился и жил писатель. Дом будет реставрирован и превращен в музей Ахундова («Бакинский рабочий»).

В 1939 г. Архангельское издательство выпускает следующие книги: И. Бражинина — «Остров», А. Миронова — «Молодость», К. Конинева — «За родину», альманах «Север» №№ 6 и 7; произведения фольклора — сказания и былины М. С. Крюкова в записи В. Попова, «Новинки» и «Детские сказки», собранные Н. Леонтьевым, «Печорские былины» и песни, «Пи-

негские сказания». А. Рождественской («Правда Севера»).

— Поэт А. И. Полежаев (1805—1835) родился в селе Покрышкино, Ромодановского района, Мордовской АССР. В связи с отмечавшимися в этом году столетием со дня его смерти имя поэта присвоено улице и школе в г. Саранске, столице Мордовии. Здесь решено также соорудить ему памятник. Мордовское гosударstvo выpuskayet zборник стихов А. И. Полежаева на русском и на монгол-эзир языках («Красная Мордовия»).

— Крымский научно-исследовательский институт татарского языка и литературы готовит к печати сборник сказок крымских народов на татарском и русском языках. В книгу войдут 40 сказок. Составители — сборник тт. К. Джаманаклы и А. Усманов («Красный Крым»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

— На Памир выезжает бригада таджикских писателей для ознакомления с литературными особенностями шуцанского языка, а также для того, чтобы выявить среди шуцанского народа начищающих писателей и поэтов. Одновременно бригада познакомится с народным творчеством.

(«Коммунист Таджикистана»).

</